

А. В. Уланов

*Сибирский институт бизнеса и информационных технологий
Омск*

Коммуникативные стратегии в военном дискурсе

Статья посвящена анализу подходов к понятию «коммуникативная стратегия» в современной лингвистике и его применению к дискурсивным практикам языка. Описание реализации речевых стратегий в русском институциональном военном дискурсе предвещает обзор точек зрения на когнитивную и прагмалингвистическую природу речевой стратегии. Материал, исследуемый автором, относится к письменным дискурсивным явлениям: автор останавливается на оценке коммуникативного поведения военнослужащих XIX в., приводит собственную точку зрения на реализацию стратегий в речи военных. Приводятся примеры языковых средств, участвующих в формировании коммуникативных установок военного дискурса. Проанализировав прагматическое содержание документа, представляющего собой часть военно-дискурсивного пространства XIX в., можно сделать вывод, что речевая стратегия военнослужащих в это время обусловлена речевой ситуацией коммуникации и, в частности, речевыми событиями военной конъюнктуры.

Ключевые слова: военный дискурс, коммуникативная стратегия, дискурсивные практики, коммуникативное поведение.

В современной дискурсологии повышается интерес к изучению дискурса с позиции прагмалингвистики, что, несомненно, связано с необходимостью углубленного анализа вопросов функциональной лингвистики, которая ставит своей целью выяснение обусловленности использования языка экстралингвистическими, социальными факторами.

Функциональная лингвистика должна учитывать ряд существенных особенностей дискурса. Дискурс – это не один речевой акт, а целая речевая последовательность, или, выражаясь терминологией дискурсивности, длительная интеракция сообщений, которые складываются в один единый глобальный «макроречевой акт» [Татарникова, 2012, с. 89]. Дискурс – это и «типизированная последовательность речевых актов с относительно конвенциональной или ритуализированной структурой» [Там же].

Уланов Андрей Владимирович – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин и иностранных языков Сибирского института бизнеса и информационных технологий (ул. 24 Северная, д. 196, корп. 1, Омск, 644116, Россия; ulanov.andrey.2014@mail.ru)

Одно из наиболее ярких дискурсивных явлений – коммуникативная стратегия – должно быть проанализировано в рамках понятийного аппарата функциональной лингвистики.

Понятие «коммуникативная стратегия» позволяет нам проникнуть в механизмы порождения и понимания дискурса. Т. А. Ван Дейк пишет, что с помощью макроречевого акта «мы можем иметь различные стратегии для полного достижения наших целей» [Татарникова, 2012, с. 89]. Н. М. Татарникова полагает, что в когнитивной лингвистике коммуникативные стратегии трактуются через существование особых когнитивных структур, которые называются интерпретативными схемами. По мнению М. Л. Макарова [2003], интерпретативные схемы:

- помогают формировать интенции и мнения людей, через это направлять их действия;
- способствуют выработке альтернативных способов осуществления данных действий и реализации интенций.

Как считает О. С. Иссерс, «речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [2008]. Н. М. Татарникова, анализируя понятие речевой стратегии, приходит к выводу, что в когнитивной лингвистике «изначально на материале устных, а затем и письменных развернутых высказываний (дискурсов) употребление языка в его обусловленности социальными факторами, детерминирующими, прежде всего, конкретную актуальную деятельность автора рассматривается как ключ к постижению его ментальности и исследуется в процессуальном плане» [2012, с. 89].

В функциональной лингвистике чрезвычайно важны понятия макроречевых актов и речевых жанров. М. М. Бахтин полагал, что речевые жанры – это тематические, стилистические и композиционные типы высказываний. Отметим, что в современной лингвистике выработана субординация речевых жанров, которые дифференцируются на простые (типы иллокутивных актов, называемые при помощи отглагольных существительных, значение которых определяет речевое действие, например, угроза, отказ, присяга и т. п.) и сложные (типизированные последовательности речевых актов, структура которых имеет относительно конвенциональный характер) [Там же, с. 90]. Однако в языкознании выработалось и понятие «субжанр» (одноактное высказывание, минимальная единица типологии речевых жанров, равная одному речевому акту – термин К. Ф. Седова [2001]).

Применение методики стратегического анализа в сфере дискурса специфично применительно к военному дискурсу. Эта специфика обусловлена *письменным* характером анализируемого нами типа дискурса – русского институционального военного дискурса XIX в.

При анализе стратегии речевых жанров важно вычленить такую информацию, как текст как разновидность жанра (диалогический / монологический), коммуникативная цель жанра (информирование / резюмирование / письменная интеракция / манипулирование и т. д.), адресанты и адресаты-информанты. Важно также установить, к интра- или экстрапрофессиональному общению относится указанный жанр.

Понятие «коммуникативная стратегия» применительно к дискурсу рассматривает М. Л. Макаров в книге «Основы теории дискурса». Исследователь полагает, что стратегия – «центральное теоретическое понятие в любой модели прагматики – прагматическая «глубинная грамматика» не поддается традиционному языковедению, так как в прагматике действуют стратегии, в формальной лингвистике – правила, в то время как теория речевых актов методологически построена вокруг категории конвенции.

М. Л. Макаров пишет, что стратегия, с одной стороны, – это цепь коммуникативных решений говорящего, «коммуникативных выборов тех или иных рече-

вых действий и языковых средств». С другой стороны, коммуникативная стратегия организуется целью при произнесении высказывания. При этом стратегии можно считать глобальным уровнем осознания ситуации общения в целом, в то время как тактики – локальные риторические приемы и линии речевого поведения. Коммуникативная стратегия тем самым – «тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения глобальной и локальных коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа» [2003, с. 194].

На наш взгляд, коммуникативная стратегия должна учитывать глубинную структуру взаимодействия и последовательность коммуникативных ходов коммуниканта. М. Л. Макаров приводит классификацию стратегий, данную специалистами в области прагмалингвистики: пропозициональные стратегии, стратегии локальной когеренции (связности), продукционные стратегии, макростратегии, а также схематические, сценарные и стилистические, разговорные стратегии.

Коммуникативная стратегия обладает следующими свойствами:

1) отличается гибким и динамическим характером, так как она подвергается постоянной корректировке, «непосредственно зависит от речевых действий оппонента и от постоянно пополняющегося и изменяющегося контекста дискурса» [Там же];

2) зависит от конкретной ситуации общения. Ввиду того, что стратегии обусловлены соотношением цели и последовательности действий в реальной ситуации общения, они подвергаются ритуализации.

В. С. Григорьева приводит типологию речевых стратегий дискурса на примере дискурса аргументативного. Она пишет, что «в процессе аргументирования говорящий реализует себя как языковая личность, демонстрируя свою экстралингвистическую, лингвистическую и коммуникативную компетенцию» [2007]. Исследователями выделяются три речевые стратегии аргументации: доказательство, внушение и убеждение. Т. В. Анисимова пишет, что доказательство – логическое понятие, основанное на совокупности логических приемов обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных и связанных с ним суждений. Внушение отличается от доказательства тем, что его задача – это навязывание позиции адресанта через воздействие на подсознание. Убеждение основано на обращении как к разуму адресата, так и к его чувствам. Анисимова пишет, что при убеждении адресант использует как рациональные, так и эмоциональные аргументы, он приводит все мнения, при этом учитывая мнение аудитории [2000, с. 18].

Иллокутивными дискурсивными актами при аргументации являются объяснение, доказательство, подкрепление гипотезы, выведение следствия. На основе иллокутивных актов выстраиваются перлокутивные дискурсивные акты. В. С. Григорьева приводит и более подробную характеристику речевых стратегий аргументации.

Убеждение – это речевая стратегия коммуниканта, заключающаяся в попытке трансформирования наличного состояния мира реципиента, попытке склонить слушающего совершить или не совершить какой-либо авербальный или вербальный акт [Григорьева, 2007]. Таким образом, каждая речевая стратегия обладает особенностями в реализации, построении, речевом выражении (см. таблицу).

Нами предпринята попытка анализа реализации речевых стратегий в русском институциональном военном дискурсе. В статье А. В. Олянич содержатся общие характеристики подязыка военного дискурса.

1. Основанность на когнитивно освоенной дуалистической милитаристской модели бытия: с одной стороны, это пребывание в постоянной борьбе, противопо-

Особенности речевой стратегии убеждения

Особенности реализации	Построение	Речевые особенности
Логическая структура «убеждающих» текстов в основном предопределена тем, что убеждение в сущности является особым информационным процессом, состоящим в передаче соответствующих сведений [Григорьева, 2007]	Директивные высказывания следуют за дескриптивными (описательными). Которые содержат языковые оценочные элементы	Наличие макроинтенций Наличие директивных и вердиктивных высказываний

ставленной кратковременному мирному (невоенному, неконфликтному) состоянию [Олянич, 2003, с. 119]. В военной языковой картине мира вся интенциональность военной языковой личности направлена на захватническую интенцию, т. е. стремление овладеть чужими ценностями путем завоевания и захвата.

2. Наличие гражданской vs. военной концептосфер в языковой картине мира военнослужащего. Все бытие, по мнению А. В. Олянич, разделяется на свое и чужое, а коммуниканты «внутри всеобщего бытия» разделяются на своих и чужих [Там же, с. 120]. Таким образом, милитаристский характер мировоззрения воина обуславливает и его коммуникативные стратегии, т. е. и типы мышления, и тип поведения вообще. Как справедливо замечает исследовательница, «военный смотрит на мир глазами военного и номинирует мир милитаристскими языковыми средствами, экстраполируя свой специфический военный дискурс на дискурс общечеловеческий, внося дух борьбы в жизнь и в общение, вовлекая в коммуникацию концепт «война» [Там же].

3. Основанность коммуникативной среды военнослужащего на военной конфликтности, которая способствует социальной конфликтности. Милитаристское бытие в виде семантических трансформаций переходит и на мирное бытие, в частности, когда средства военной метафоры переходят в области спортивного или политического дискурсов.

4. Семиотический характер военного дискурса, выраженность военной концептосферы в характерной военной символике и эмблематике: языке военных символов (флагов, штандартов, знамен, военной амуниции, военного обмундирования). Отдельные военные символы получают характерное значение в истории.

5. Двойной характер отношения к войне: негатив с точки зрения подавления «чужих», позитив – с точки зрения соблюдения национальных интересов, в качестве средства, с помощью которого приобретает мир.

6. Окруженность военного коммуникативного пространства околодискурсивными явлениями военно-политического дискурса (формирование имиджа военного врага). Отношение к войне в высокой степени виртуально и эвфемистично. «Физическое устранение противника возможно только при формировании «праведного гнева» масс, который необходимо на этого противника направить, дабы одержать победу. Так формируется «реальная виртуальность конфликтной коммуникации, поддерживаемая особым образом конструируемым дискурсом – дискурсом военно-политическим» [Олянич, 2003, с. 121].

По мнению Олянич, «существует колоссальное множество попыток выделения типов и построения классификации коммуникативных стратегий в зависимости от специфических задач той или иной научной парадигмы, вовлекающей понятие стратегии в сферу своих интересов» [Там же, с. 122]. Она называет следую-

щие типы стратегий в зависимости от трех обширных классов: презентации, манипуляции и конвенции. «По уровню открытости, симметрии и способу производимой коммуникации они тоже отличаются: презентационный тип является пассивной коммуникацией, манипуляционный – активной, конвенциональный – интерактивной. По мнению С. Дацюка, основными средствами этих стратегий являются: для презентации – послание, манипуляции – сообщение, конвенции – диалог». «По нашему же убеждению, в военно-политическом дискурсе коммуникативные стратегии сводятся исключительно к презентации с элементами манипуляции и конвенции» [Олянич, 2003, с. 122].

Важнейший элемент речевого события, а отсюда и речевой стратегии, в военном дискурсе – языковая личность.

Классификация языковых личностей в современной дискурсологии – сложный и дискуссионный вопрос. Свою классификацию языковых личностей приводит В. И. Карасик в известной книге «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» [2002]. С. С. Сухих «выделяет экспонентный, субстанциональный и интенциональный уровни измерения языковой личности, на первом уровне знаковая деятельность коммуниканта может быть активной, созерцательной, убеждающей, сомневающейся, голословной, на втором уровне – конкретно или абстрактно вербализующей опыт, на третьем уровне – проявляющей себя юмористично или буквально, конфликтно или кооперативно, директивно или интегративно, центрированно или децентрированно» [1998].

Так или иначе «языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик, 2002, с. 19]. По мнению В. И. Карасика, коммуникативная личность может рассматриваться с точки зрения ценностного, познавательного и поведенческого плана.

«Ценностный план коммуникативной личности содержит этические и утилитарные нормы поведения, свойственные определенному этносу в определенный период. (...) Познавательный (когнитивный) план коммуникативной личности выявляется путем анализа картины мира, свойственной ей. На уровне культурно-этнического рассмотрения (именно применительно к данному уровню обычно говорят о языковой личности) выделяются предметно-содержательные и категориально-формальные способы интерпретации действительности, свойственные носителю определенных знаний о мире и языке. (...) Поведенческий план коммуникативной личности характеризуется специфическим набором намеренных и помимовольных характеристик речи и паралингвистических средств общения» [Там же, с. 20].

В русском институциональном военном дискурсе встречаются следующие разновидности языковых личностей.

1. *Информатор* дифференцируется на активного и пассивного – функция активного информатора состоит в доведении сообщения, требующего немедленного исполнения. Функция пассивного информатора состоит в доведении информации справочного характера.

2. *Манипулятор* использует информацию в своих собственных целях, его коммуникативное поведение ситуативно и прагматически обусловлено.

3. *Кооператор*. Основная функция кооператора – поддержать кооперативную стратегию общения (поздравление с победой, изъявление восхищения).

Каждая языковая личность применяет собственную речевую стратегию: информирование, манипулирование, кооперирование.

Проанализировав письменные дискурсивные практики военного дискурса XIX – начала XX в., мы пришли к выводу, что в это время обнаруживается применение кооперативной языковой личности и кооперативной речевой стратегии. Пример

приведен из мемуарного источника «Блокада Карса» – собрания писем очевидцев событий 1855 г.:

«Ваше Высокопревосходительство!

Отъ полноты души, въ лицѣ всего городского сословія позвольте поздравить Васъ съ благополучнымъ прїѣздомъ. Побѣда надъ Карсомъ – преддверіемъ Оттоманской Порты, возвеселила весь край и укрѣпила еще въ немъ великія надежды на русское оружіе. Примите, Ваше Высокопревосходительство, настоящую встрѣчу, какъ отголосокъ безпредѣльныхъ сердечныхъ желаній моихъ согражданъ, и позвольте иметь счастье отъ искренности сердца выразить Вамъ передъ всѣми: “Слава Отечеству и побѣдителю!”» [Блокада Карса..., 1856, с. 138].

Отметим, что в дискурсивном пространстве военно-исторических источников более всего представлена информационная стратегия военной языковой личности, направленная на непосредственное информирование вышестоящего начальства о произведенных действиях: высказывания отличаются информационно насыщенным характером, множеством фактов и деталей.

По случаю возложенія мною на командовавшаго Дѣйствующимъ Корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ, Генераль-Лейтенанта Князя Бебутова, на время отсутствія моего изъ Тифлиса, командованія войсками Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, не входящими въ составъ Дѣйствующаго Корпуса, я поручаю командование симъ послѣднимъ Начальнику Артиллеріи Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генераль-Лейтенанту Бриммеру.

О чемъ объявляю по Высочайше вѣреннымъ мнѣ войскамъ [Там же, с. 10].

Из этого сообщения можно заключить, что военная языковая личность отличается: предельной фактологичностью высказывания, экономичностью языкового выражения, стандартизованностью официальных средств вербализации, апеллативностью к установленным образцам действующих порядков и установлений (*По случаю возложенія мною на командованія войсками... поручаю командование симъ...*). Языковая личность ‘офицер’ применяет языковые конструкты в соответствии с субординацией и действующей номенклатурой вооруженных сил: *я поручаю командование симъ послѣднимъ Начальнику Артиллеріи Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генераль-Лейтенанту Бриммеру.*

Наиболее ярко различные типы языковых личностей представлены в книгах мемуарного ретроспективного характера, представляющих собой воспоминания о прошедших событиях.

Проанализируем особенности военной языковой личности в книге Г. Гоштовта «Дневникъ кавалерійскаго офицера», вышедшей в Париже в 1931 г. и полноценно характеризующей сферу коммуникативное поведение российских офицеров высшего звена [Гоштовтъ, 1931].

Этот документ может быть использован в качестве ценного прагматилистического источника, так как письменно зафиксированная речь кавалерийского офицера является отражением комплекса прагматилистических категорий, воссоздаваемых спектром коммуникаций основного коммуниканта – автора текста.

Документ подтверждает, что офицер являлся средоточием коммуникаций, среди которых: (1) безличные коммуникаторы, (2) персонифицированные коммуникаторы. Коммуникаторы ранжируются по степени персонифицированности автором.

Приведем примеры.

(1) Коммуникатор – неизвестный внешний источник информации:

Вскорѣ было получено донесеніе, что нѣмцы вели легкое наступленіе на Ширвиндтъ, обстрѣливая его артиллерійскимъ огнемъ, и вскорѣ отошли [Изображеніе..., 1912, с. 53].

Черезъ часъ ко мнѣ пришло новое приказаніе – выслать пѣшую развѣдку на тотъ берегъ оврага, послѣ чего спуститься и пройти вдоль него цѣпью до деревни Каушенъ, на окраинѣ котораго будетъ ждать меня проводникъ къ коноводамъ. Высылаю унтеръ-офицера Людвига съ шестью кирасирами на противоположный берегъ [Там же, с. 71].

(2) Коммуникатор – известный по должности / имени внешний источник информации:

*Здѣсь мы встрѣтили роту, уходившую на востокъ. **Ея командиръ** сообщилъ мнѣ, что линія охраненія оттягивается еще на три километра назадъ, на опушку большого Гердауенскаго лѣса, и что его правая застава должна стать въ деревнѣ Шенвальде [Изображеніе..., 1912, с. 54].*

(3) Коммуникатор – неизвестный по должности, но известный по месту расположения внешний источник информации. Заметим, что в военном дискурсе возможны самые различные каналы получения информации, ранжирующиеся по топосу сообщения и статусности источника сообщения: разведка – граница (линія) боевых действий – разъезды – Штаб дивизіи – Штаб арміи:

Донесенія с линій охраненія говорятъ о томъ, что участки велики и караулы поэтому поставлены рѣдко; вечеръ безпокойный, такъ какъ вся мѣстность вокругъ кишитъ непріятельскими разъѣздами [Там же, с. 71].

*Поздно вечеромъ Христіани привезъ новости изъ **Штаба дивизіи**: наша пѣхота имѣла вчера удачный бой, взяла трофеи и быстро движется впередъ [Там же, с. 71].*

От развѣдки приходятъ свѣдѣнія, что противникъ поспѣшно отходитъ [Там же, с. 99]

Основными стратегиями речевого поведения (по В. И. Карасику) являются:

- 1) объясняющая;
- 2) оценивающая;
- 3) контролирующая;
- 4) содействующая;
- 5) организующая.

В письме генерала А. Ермолова Князю Багратиону содержится *объясняющая стратегия* – объяснение оставления Смоленска:

*№ 4, получено 6-го августа на маршѣ
отъ Смоленска къ Дорогубужу*

Ваше Сіятельство!

Имѣете право насъ бранить, но только за оставленіе Смоленска, а послѣ мы вели себя какъ герои! Правда, что не совсѣмъ благоразумно, но и тогда можно быть еще героями. – Когда буду имѣть счастье Васъ видѣть, расскажу вещи невѣроятныя. Смоленскъ необходимо надобно было защищать, но замѣтьте Ваше Сіятельство, что ихъ доселѣ нѣтъ въ Ельнѣ, слѣдовательно всѣ были они у Смоленска, а мы не такъ были сильны послѣ суточной города обороны.

Наконецъ, благодаря Бога, хотя разъ предупредили мы Ваше желаніе.

Вамъ угодно было, чтобы мы остановились, дрались, прежде получения письма Вашего получить уже я о томъ приказаніе. Почтеннѣйшій благодѣтель! Теперь Вамъ предлежитъ дать намъ помощь. (...)

Боюсь, что опасность, грозя древней нашей столицѣ, заставитъ прибѣгнуть къ миру. Но сіи мѣры слабыхъ и робкихъ. Все надобно принести въ жертву съ радостью, когда подъ развалинами можно погresti враговъ, ищущихъ гибели Отечества нашего. Благоволитъ Бог! Умереть Россіянинъ долженъ со славою.

Преданнѣйшій слуга

Подписаль: А. Ермоловъ.

P.S. Не гнѣвайтесь, что удержалъ посланнаго [Изображеніе..., 1912, с. 55].

Основная тактика письма – последовательная аргументация. Текст письма имеет несколько планов: ситуационный, ментальный, персональный. Ситуационный план: армия вынуждена была оставить Смоленск по объективным причинам. Ментальный план: доминирование национального и религиозного начал:

Представьте Ваше Сіятельство, что два дни рѣшаютъ участь сильнѣйшей въ Европѣ Имперіи, Одно продолженіе войны есть способъ вѣрнѣйшей восторжествовать надъ злодѣями Отечества нашего. Умереть Россіянинъ долженъ со славою.

Персональный план заключается в эксплицировании двух языковых личностей – адресата и адресанта, связанных взаимодействующим коммуникационным каналом. Однако этот канал апеллирует к другим коммуникативным областям: *бог, судьба; государь*. Отметим, что доминирующими в данном речевом акте являются каналы адресанта и Бога. Образ адресанта, в дискурсивном пространстве сообщения деактуализируется, уходит на второй план.

Проанализировав прагматическое содержание документа, представляющего собой часть военно-дискурсивного пространства XIX века, мы пришли к выводу, что речевая стратегия военнослужащих в это время обусловлена речевой ситуацией коммуникации, и в частности, речевыми событиями военной конъюнктуры.

Список литературы

Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 46 с.

Блокада Карса. Письма очевидцевъ о походѣ 1855 года въ Азіятскую Турцію. Тифлис, 1856. 148 с. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book7659/428481/> (дата обращения 10.02.2014).

Гоштовъ Г. Дневник Кавалерійскаго Офицера. Парижъ, 1931. 196 с. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book7708/439317/> (дата обращения 15.02.2014).

Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматический и когнитивный аспекты. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с. URL: window.edu.ru (дата обращения 15.03.2014).

Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812-го года. Сочиненіе Барклая де-Толли. Кроме того, рескрипты, письма и другіе документы... СПб., 1912.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 252 с.

Олянич А. В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // Вестн. ВолГУ. Серия 2. 2003. Вып. 3. С. 121–128.

Седов К. Ф. Жанры повседневного общения и хорошая речь // Хорошая речь. Саратов, 2001. С. 118–131.

Сухих С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 29 с.

Татарникова Н. М. Анализ коммуникативных стратегий как способ изучения стилевой черты // Филология и человек. 2012. № 1. С. 84–95.

A. V. Ulanov

Communicative strategies in the military discourse

The paper is devoted to the analysis of approaches to the concept of «communication strategy» in modern linguistics and to its application to the discursive practices of the language. The description of the implementation of speech strategies in the Russian institutional military discourse is preceded by a survey of viewpoints on the cognitive and pragmalinguistic nature of speech strategy. The material studied by the author belongs among the written discourse phenomena: the author focuses on the assessment of the communicative behavior of the XIX century servicemen, presents his own point of view on the implementation of strategies in the speech of the military. The paper cites examples of language means, participating in the formation of the communicative goals of the military discourse. Having analyzed the pragmatic content of the document, which constitutes part of the military-discursive space of the XIX century, one can conclude that the speech strategy of servicemen at that time was due to the speech situation of the communication, and in particular, to the speech events of the military situation.

Keywords: military discourse, communicative strategy, discursive practice, communicative behaviour.